

В ценности и сохранности

КАК ДОНЕСТИ
ДО ТУРИСТА
ПОДЛИННУЮ
АУТЕНТИЧНОСТЬ

ТЕКСТ —
Мария Егорова
ФОТО —
Александра
Соколова

ИСТОРИЯ КРУПНЕЙШЕГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ПАРКА РОССИИ — «ЭТНОМИР», ОСНОВАТЕЛЬ КОТОРОГО, ИЗВЕСТНЫЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ РУСЛАН БАЙРАМОВ, КАК-ТО НАЗВАЛ СВОЕ ДЕТИЩЕ МИССИЕЙ, НАЧАЛАСЬ С ЮРТЫ, ПРИВЕЗЕННОЙ В МОСКВУ С ИССЫК-КУЛЯ. НОЧЬ ПОД ЗВЕЗДАМИ В АУТЕНТИЧНОМ ЖИЛИЩЕ НАСТРОИЛА НА ПРАВИЛЬНЫЙ ЛАД, А УСПЕХ У ПРОХОЖИХ КОЧЕВНИЧЬЕГО ДОМА, ОБОСНОВАВШЕГОСЯ У СТОЛИЧНОГО ТОРГОВОГО ЦЕНТРА, ОКОНЧАТЕЛЬНО УБЕДИЛ БАЙРАМОВА В ТОМ, ЧТО ЛЮДЯМ ИНТЕРЕСНО ПОГРУЖАТЬСЯ В ЧУЖУЮ КУЛЬТУРУ И БЫТ И «ПРОЖИВАТЬ» ОПЫТ ДРУГОГО ЭТНОСА. СЕГОДНЯ ЗЕМНОЙ ШАР В МИНИАТЮРЕ, ГДЕ ОРГАНИЧНО УЖИВАЮТСЯ ТРАДИЦИИ НАРОДОВ МИРА, РАСПОЛОЖИЛСЯ НА 140 ГА В КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ. ЕГО СОЗДАТЕЛЬ И ПО СОВМЕСТИТЕЛЬСТВУ ПРЕЗИДЕНТ МЕЖДУНАРОДНОГО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО ФОНДА «ДИАЛОГ КУЛЬТУР — ЕДИНЫЙ МИР» РАССКАЗАЛ CITYMAGAZINE О ТОМ, КАКАЯ ЭТНИКА НЕОБХОДИМА СОВРЕМЕННОМУ ТУРИСТУ И ГДЕ ЕЕ НАЙТИ.

— НЕ СЕКРЕТ, ЧТО РОССИЯ В МИРЕ, КАК ПРАВИЛО, ВЫЗЫВАЕТ ДОВОЛЬНО ШАБЛОННЫЕ АССОЦИАЦИИ А-ЛЯ БЕРЕЗКА-БАЛАЛАЙКА-УШАНКА. ЕСТЬ МНЕНИЕ, ЧТО ЭТО ВО МНОГОМ «ЗАСЛУГА» ТУРИСТИЧЕСКОГО «ЛУБКА», КОТОРЫЙ МИМИКРИРУЕТ ПОД ЭТНИКУ. НА ВАШ ВЗГЛЯД, ВСЕ ЭТИ РАЗУДАЛЬЕ ПЛЯСКИ В КОКОШНИКАХ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ДЕЗОРИЕНТИРУЮТ ТУРИСТОВ ИЛИ ОПАСНОСТЬ ПРЕУВЕЛИЧЕНА?

— Да, я с этим согласен. Конечно же, зачастую сама жизнь, законы бизнеса к этому подталкивают, ведь подача связана с уровнем сознания как того, кто потребляет продукт, так и того, кто его продает. Глубокая аутентичность с сохранением сути всегда предполагает солидные вложения сил для объяснения своей позиции. Здесь, конечно же, изначально требуется больше, скажем так, внутренней честности и умения быть самим собой. Мы в «Этномире» стараемся «держаться контент», причем не только в рамках русского и российского, но и мирового. Есть много вещей, которые в массовом сознании являются брендами, но при этом совсем не нужны для поднятия культуры и раз-

«Когда я сегодня вижу, как современные люди исполняют нечто, выдавая за исконно русское, у меня возникает закономерный диссонанс».

←
Чем лучше туристическая инфраструктура, тем меньше аутентичности, отмечает герой интервью

вития образования. Скажем, что такое Тадж-Махал? Гробница, возведенная по приказу потерянного мужа, который, вместо того чтобы править империей, ходил и ныл, какая же у него была прекрасная жена, а тысячи мастеров на него пахали. И все непременно хотят посмотреть эту гробницу, хотя в Индии есть куда более аутентичные места. Но это уже своего рода неизбежность — то же самое, что покупка магнитиков, произведенных в Китае, создающая иллюзию приобщения к стране. Без этого никак. Мой дед был реальным бородаатым старовером, а мама, учитель русского языка и литературы, очень хорошо пела народные песни. И когда я сегодня вижу,

↑ Все проекты «Этномира» создаются в содружестве с представителями тех стран, которым они посвящены

как современные люди исполняют нечто, выдавая за исконно русское, у меня возникает закономерный диссонанс. Однако я понимаю, что, к сожалению, не уходить в этнопопсу сейчас нельзя, потому что для нашего молодого парня или иностранца это все равно понятнее, чем песни староверов без музыки. Потому что там такая глубина, которая способна зацепить душу: человек будет плакать и не понимать, почему. И не факт, что именно эти эмоции он хотел получить, отправляясь на поиски аутентичности. Грань очень тонка, и, конечно же, автор проекта, будь то хозяин музея или регион, развивающий этнотуризм, сам решает, какая степень некоего такого поверхностного лоска допустима.

— «ЭТНОМИР» — ЭТО, СКОРЕЕ, ПРО ПРАВДУ ЖИЗНИ ИЛИ ПРО «ЛОСК»?

— Когда мы начинали, у нас, например, юрты, где расположены этноотели, были без воды и электричества — все по-настоящему. Но такие испытания, конечно же, мало кто выдерживает. Да, человек хочет прикоснуться к чему-то непривычному, попробовать, испытать новое, но потом он хочет поесть в традиционном ресторане, получить сервис и вечером сходить в душ и даже посмотреть телевизор. К слову, у нас нет телевизоров, и я думаю, это отсекает большое количество людей. Но это наш выбор. Телевизор, почта, wi-fi — важные аспекты, которые дают возможность не выпадать из привычной жизни, но лишают глубины переживания аутентичного опыта этнотуризма.

В нашем случае все еще осложняется тем, что трудно передать подлинную самобытность, когда непальские колокольчики звенят на фоне русских березок. Согласитесь, такое «сочетание» воспринимаются своеобразно? Ключевой мотив «этномирян» — не обманывать наших гостей, и мы доносим эту правду жизни через архитектуру, атмосферу, какие-то важные детали. А добиться этого можно только во взаимодействии с экспертами и консультантами, которых мы привлекаем на каждый наш проект. Например, все фасады индийских домов у нас в музее выполне-

ны реальными мастерами из Индии. А непальский дом как некое переживание опыта Патана, пригорода Катманду, создан архитектором, закончившим МАРХИ и живущим сегодня в Непале. Безусловно, мы могли бы организовать прямой перенос домов и прочих конструкций, как поступили с теми же русскими срубами, часть которых действительно перевезли из реальных деревень. Но, во-первых, все не вывезешь, а во-вторых, мы всегда помним, что нужно быть интересным и востребованным у молодежи, городского жителя. Поэтому необходимо привносить в элементы прошлого и настоящего правильные фрагменты будущего, скажем, за счет современных материалов. Для людей большого города это и так очень серьезный внутренний опыт.

— ПО ВАШИМ НАБЛЮДЕНИЯМ, КАКИЕ ИНТЕРЕСЫ У СОВРЕМЕННОГО ЭТНОТУРИСТА? ЭКЗОТИКА, ОСТРЫЕ ОЩУЩЕНИЯ ИЛИ ВСЕ ЖЕ НОВЫЙ ОПЫТ, НЕОБХОДИМЫЙ ДЛЯ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ?

— И каждое по отдельности, и все вместе. Этнотуризм, если рассматривать его как возвращение к истокам,

у нас в стране пока немало. Другой вопрос, что нам, как мне кажется, еще предстоит выработать стандарты этого восприятия, а возможно, и сам запрос. Понятно, что спрос рождает предложение, и там, где возникает туризм, ты обязан подыгрывать потребителю, чтобы помимо собственной уникальности и аутентичности давать то, что ему сейчас надо. Но, на мой взгляд, важно не увлечься. Одно дело — построить гостиницу в глубинке, чтобы туристы могли там с комфортом переночевать, и другое — делать уклон исключительно в негатив, создавая ложный антураж и порождая ложное знание. Именно поэтому мы в «Этномире» определили

«Спрос рождает предложение, и там, где возникает туризм, ты обязан подыгрывать потребителю, чтобы помимо собственной уникальности и аутентичности давать то, что ему сейчас надо».

Справка

РУСЛАН БАЙРАМОВ

Родился 7 августа 1969 года в селе Новоивановка Кедабекского района Азербайджанской ССР. В 1997 году окончил юридический факультет МГУ им. Ломоносова. В 2007 году получил диплом MBA в Школе международного бизнеса Академии народного хозяйства при Правительстве РФ. Президент

Международного благотворительного фонда «Диалог культур — единый мир». Член этнографической комиссии и комиссии по туризму РГО. Член совета национально-культурных общественных объединений при Совете Федерации РФ. Основатель этнографического парка-музея «Этномир» в Калужской области.

ведь тоже очень разный. Так, «красный» туризм уже становится частью некоего ландшафта, и люди едут на те же Соловки или в ГУЛАГ либо путешествуют по тем местам, где проходил тракт, по которому гнали в Сибирь узников в кандалах. Да, это часть нашей истории, но она наполнена болью, и некоторым хочется ее прочувствовать. Так же, как кому-то интересно посмотреть на вымирающие деревни, где когда-то жили и трудились, строили колхозы и верили в светлое будущее, а теперь пьют водку и деградируют. Для одних это чистой воды ностальгия, возвращение в прошлое, для других — та самая экзотика. Деревню как этнику ведь тоже можно показать с разных ракурсов, и, к счастью, хороших, позитивных очагов этой аутентичности

образование в качестве одной из ключевых целей и сейчас плотно работаем со школами и вузами Москвы, строим свою школу, создаем некую новую реальность. Я всегда мечтал, чтобы люди, которые не могут поехать в Австралию, Кению или Японию, могли прогуляться по «Улице Мира», прожить и пережить какой-то личный опыт, поучаствовать в мастер-классах, получить новые знания, а главное — выстроить в своей голове правильные образы, чтобы в дальнейшем, отправляясь в какую-то страну, уже знать, что именно они хотят там увидеть.

— ВАШ ЛИЧНЫЙ ОПЫТ КАК ЭТНОТУРИСТА, НАВЕРНЯКА ЗНАЮЩЕГО, ЧЕГО ОН ХОЧЕТ, ВСЕГДА БЫЛ УДАЧНЫМ?

— Впервые я отправился в подобный тур лет 15 назад. Это была деревня Мауи в Новой Зеландии, где я, конечно же, грустил, прекрасно понимая, что люди играют в аборигенов, а потом надевают майки и уходят жить обычной жизнью. То же самое наблюдал и на озере Титикака, где увидел дома из камыша, жители которых разыгрывали абсолютно постановочные истории. Но вместе с тем впечатления остались исключительно позитивные — все было организовано очень профессионально. Надо понимать, что люди давно уже так живут, для них нет конфликта между туризмом и жизнью. Просто они грамотно монетизируют свои традиции, сами тоже стали продуктом урбанизации и, даже если еще остаются в глубинке, неизбежно стремятся в тот большой город, откуда приезжают люди, чтобы на них посмотреть.

Многие «массовые» культурные бренды в действительности не нужны для поднятия культуры и развития образования, убежден Руслан Байрамов

— НАВЕРНЯКА ЕСТЬ ЕЩЕ ТЕ, КТО НЕ ПУСКАЕТ ЧУЖАКОВ В СВОЙ ЗАКРЫТЫЙ МИР, НЕСМОТЯ НА ЖЕЛАНИЕ МЕСТНЫХ ВЛАСТЕЙ РАЗВИВАТЬ ТУРИЗМ? ВЕДЬ ЕСЛИ ВСЕ МОНЕТИЗИРОВАТЬ, ВЕЛИК РИСК, ЧТО ЭТНИКИ ВО ВСЕ НЕ ОСТАНУТСЯ..

— Да, это всегда личный выбор руководителя племени или главы общины. Скажем, в Америке, в Оклахоме, я общался с вождем, у которого хорошее казино. Да, он помнит свои корни, генетическая память побуждает его к сохранению наследия предков, но он такой конкретный американец со смартфоном, делающий деньги. Хорошо это или плохо? Вопрос спорный. Поглощение городом аутентичности происходит повсеместно в любой точке земного шара. Даже в таких государствах, как, скажем, Свазиленд, где люди не играют в этнику, а живут в своей естественной среде, местные старейшины все равно понимают, что им же выгоднее немножко подыграть, чтобы туристу было комфортно. И процесс этот неизбежно идет уже несколько столетий: от разрушения частной аутентичности к рождению некоей новой реальности.

Но вместе с тем — вы совершенно правы — есть еще места, где люди сопротивляются цивилизации и давлению города. Возьмем те же резервации в Бразилии, существующие в границах природоохранных зон, где сохраняется естественная среда обитания. Знаю, что в Австралии все еще можно увидеть потомков аборигенов, которые, как 60–100 тыс. лет назад, продолжают оставаться собирателями. Достаточно проехать 1000 км от Сиднея — и вы получите опыт покруче, чем у Данди-«Крокодила».

— А ГДЕ В РОССИИ ЕЩЕ МОЖНО УВИДЕТЬ ТУ САМУЮ АУТЕНТИЧНОСТЬ И НЕ НАПАСТЬ НА «СУРРОГАТ»?

— Я считаю, что это есть в каждом регионе, однако существует совершенно четко прослеживаемая закономерность: чем хуже логистика, тем больше аутентичности. В нашей стране еще очень много на-

«Существует совершенно четко прослеживаемая закономерность: чем хуже логистика, тем больше аутентичности».

стоящего, просто все это не слишком готово к приему туристов. Если уехать на 200–300 км от больших центров - и не важно, будет это Кавказ, Сибирь или Центральная Россия, - вы с большой вероятностью попадете туда, где выживаемость является нормой, а значит, присутствует естественный быт. Все-таки это зависит от желания человека погрузиться в глубину того или иного этноса и пожертвовать личным комфортом. Так что, если вы не готовы, к примеру, уйти на 500 км в тайгу, чтобы найти там настоящих староверов, живущих своими насущными заботами, далекими от туризма, придется довольствоваться некоей демо-версией этники.